

УДК 130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258><https://elibrary.ru/jkszjv>

Поступила: 30.05.2025

Принята: 25.01.2026

Опубликована: 03.07.2026

РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ СЕМЬИ В АНТРОПОЛОГИИ В.В. РОЗАНОВА

*Сухорукова Екатерина Игоревна**Московский городской педагогический университет (Москва)*

Статья посвящена рассмотрению философии семьи В.В. Розанова, в рамках которой он пытается обосновать не только нравственное и социальное, но и религиозное значение супружества и материнства. В условиях кризиса института семьи, который переживает современное общество, размышления Розанова поднимают актуальные вопросы, но не со всеми его выводами можно согласиться. Философия семьи Розанова рассматривается во взаимосвязи с его антропологией и философией религии, особенно его осмыслении религий Древнего Востока, к которым Розанов причисляет иудаизм. От славянофилов и В.С. Соловьева, влиянию которых Розанов был подвержен в начале своего творческого пути, он сохранил интерес как к самому понятию народности, так и к историософии еврейского народа в эсхатологической перспективе. Однако, в отличие от славянофилов, Розанов не концентрируется на определении народности как метафизического духа, дефиниция материи и духа в целом была нехарактерна для него. Напротив, Розанов обвиняет в ней то западноевропейскую цивилизацию, то христианство в целом. Для Розанова природа, являющаяся благом и источником жизни, выступает первозданным единством материи и духа, равно как и половая любовь. По мнению Розанова, в силу своего народного характера особенно пронизательными в данном отношении оказались семиты. Розанов противопоставляет современный европейский брак истинному, идеал которого он находит на Древнем Востоке: брак юридический противопоставляется браку сакральному. На первый план выступает значимость не границы брака (его нерушимости), но его содержания, которое должно состоять из половой любви и почтительного отношения к ней. Однако слабая разработка Розановым понятия личности, подчинения личности полу приводит к смене индивидуальной половой любви на родовую любовь, а также к путанице в области социальной философии. С возникновением истинного брака Розанов связывает иудейскую субботу, которая, по его мнению, произошла от вавилонского обычая храмовой проституции, означающего иерофанию — соединения человека с божественным началом. Таким образом, половые отношения, осуществляемые внутри семьи, становятся единственной действенной формой богообщения. Дальнейшие размышления Розанова на данную тему приводят его к резкой критике христианства, содержащего, по его мнению, в себе зерно небытия, и к восхвалению язычества как истинной и единой религии всего человечества, а также к критике исторического прогресса, якобы приводящего к разрушению семьи и половой любви. В заключении статьи автор еще раз замечает, что данное рассмотрение обращено в сторону одной из вариаций философии Розанова, мысль которого никогда не застыла в неподвижной схеме, и который в жизни сохранил верность православной церкви. За пределами рассмотрения автора статьи также остаются такие проблемные места, как, например, отрицание Розановым догмата о первородном грехе, лежащего в основе христианской антропологии и, соответственно, этики и аскетики.

Ключевые слова: народность, философия семьи, метафизика пола, историософия, философская антропология, русская религиозная философия, христианство, философия серебряного века, язычество, иудаизм, социальная философия.

Для цитирования:

Сухорукова Е.И. Религиозный смысл семьи в антропологии В.В. Розанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 2. С. 244–258. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258>. EDN: JKSZJV

THE RELIGIOUS MEANING OF THE FAMILY IN V.V. ROZANOV'S ANTHROPOLOGY

Ekaterina I. Sukhorukova

Moscow City University (Moscow)

The article is devoted to the consideration of V.V. Rozanov's philosophy of family, which attempts to substantiate not only the moral and social but also the religious significance of marriage and motherhood. In the context of the current crisis of the institution of family, Rozanov's reflections raise topical issues, but not all of his conclusions appear to be agreeable. The article looks at Rozanov's philosophy of family in conjunction with his philosophical anthropology and philosophy of religion, especially his understanding of the religions of the Ancient East, among which Rozanov classifies Judaism. From the Slavophiles and V.S. Solovyov, whose ideas had a considerable influence on him at the beginning of his path, Rozanov adopted an interest in both the very concept of nationality and the historiosophy of the Jewish people from an eschatological perspective. Unlike the Slavophiles, Rozanov does not focus on defining nationality as a metaphysical spirit, the definition of matter and spirit is uncharacteristic of him; on the contrary, that was one of the reasons for Rozanov to criticize Western European civilization and Christianity in general. For Rozanov, nature, which is a blessing and a source of life, is the primordial unity of matter and spirit, as well as sexual love. According to Rozanov, due to their national character, the Semites turned out to be particularly astute in this regard. Rozanov contrasts modern European marriage with true marriage, the ideal of which he finds in the Ancient East: formal legal marriage is opposed to sacred union. What comes to the fore is not the importance of the boundaries of marriage (its inviolability), but its content, which should consist of sexual love and respect for it. However, Rozanov's weak elaboration of the concept of personality, including subordination of personality to the sexual principle in Rozanov's metaphysics, eventually leads to a shift from individual sexual love to generic love, as well as to confusion in the field of social philosophy. Rozanov connects the Jewish Sabbath with the emergence of true marriage, which, in his opinion, originated from the Babylonian custom of temple prostitution, meaning hierophany — the union of man with the divine principle. Thus, sexual relations carried out within the family become the only effective form of communion with God. Rozanov's further reflections on this topic lead him to sharp criticism of Christianity, which, in his opinion, contains a grain of non-existence, and to praise for paganism as the true and unified religion of all mankind, as well as to criticism of historical progress, allegedly leading to the destruction of the family and sexual love. The author of the article emphasizes that the presented analysis addresses one of the variations of Rozanov's philosophy, whose thought never froze in a fixed pattern, and who remained faithful to the Orthodox Church throughout his life. Outside the scope of the author's consideration remain issues such as Rozanov's denial of the dogma of original sin, which underlies Christian anthropology and, consequently, ethics and asceticism.

Keywords: nationality, philosophy of the family, metaphysics of gender, historiosophy, philosophical anthropology, Russian religious philosophy, Christianity, Russian Philosophy of the Silver Age, paganism, Judaism, social philosophy.

To cite:

Sukhorukova Ye.I. [The religious meaning of the family in V.V. Rozanov's anthropology]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 2, pp. 244–258 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-2-244-258>, EDN: JKSZJV

Введение

Изначально находясь под влиянием славянофилов и в особенности А.С. Хомякова, В.В. Розанов затем разочаровывается в данном

направлении мысли, вульгаризированном к рубежу XIX–XX вв. [Казакова Н.Ю., 2021, с. 61–78]. Тем не менее, Розанова со славянофилами в определенной степени роднит как сам интерес к понятию народности, так и про-

тивопоставление романо-германских народов русскому славянскому народу; соотношение, в котором первые обвиняются в излишних индивидуализме и рассудочности, тогда как второму приписываются нравственные достоинства христианской любви и смирения [Астафьев П.Е., 1891]. Однако, как справедливо отмечает Г.П. Отюцкий [Отюцкий Г.П., 2013], был еще один народ, к которому Розанов испытывал почти столь же серьезное чувство, — это евреи. В данном плане уместно сравнить Розанова с В.С. Соловьевым, юдофильство которого есть нечто большее, чем простое сочувствие к чужому страданию. Оба философа видели в еврействе (причем именно ортодоксально-религиозном, а не светском) положительный потенциал для благополучного разрешения судьбы человечества в эсхатологической перспективе. Однако, как отмечает А.П. Козырев, «при сравнении Розанова и Соловьева бросается в глаза их разность» [Козырев А.П., 2004, с. 21], как по стилю изложения мысли, так и по ее содержанию: по отношению к Богу, человеку, миру, истории. Одной из наиболее волнующих В. Соловьева тем была проблема единства человечества под крылом Вселенской Церкви. Розанов, напротив, концентрировался не на человечестве в целом, а на его единице — семье, рассматривая ее как микрокосм общества, видя в ней исток общественных как добродетелей, так и устойчивых болезней. Для Соловьева еврейский народ был одним из участников грандиозного исторического строительства по созданию совершенного общества — или, в более поздней «Краткой повести об антихристе» [Соловьев В.С., 1914d, с. 193–221], вооруженным победителем над силами зла. Розанова интересовала прежде всего еврейская семья, в которой он видел идеал семьи вообще и, органически выводя из нее народность, противопоставляя ее затем государству, усматривал в нем не естественное стремление человечества к единству, но плод гордыни, неизбежно рождающейся на месте разрушенной семьи. В данной статье мы рассмотрим одну из вариаций философии семьи у Розанова в ее связи с философией религии (особенно иудейской), преимущественно в поздний период его творчества, тогда как в течение раннего периода он находился под влиянием своих будущих оппонентов — как славянофилов,

так и В. Соловьева. Поскольку в современном обществе институт семьи переживает кризис, наследие Розанова, в рамках философии которого главными ценностями являются супружество и материнство, заслуживает внимания. Однако, как мы увидим далее, не все умозаключения Розанова могут быть названы безупречными.

Религиозное значение семьи в истории иудаизма: В.С. Соловьев и В.В. Розанов

В тот период, когда по Российской Империи прокатилась волна еврейских погромов [Малахов В.А., 2012], Соловьев не только упрекает христиан в несоблюдении ими евангельской заповеди о любви к врагам, но и формулирует такую историософию, согласно которой полное воплощение христианского идеала на земле невозможно без деятельного включения в него еврейского народа. Концепция теократии, изложенная в работе «Еврейство и христианский вопрос» (1884 г.) [Соловьев В.С., 1914a], состоит в том, что к концу истории, но до апокалипсиса и Страшного Суда, настанет период совершенного общества. Человечество должно будет прийти к такой гармонии, в которой все народы, соединившись под крылом Вселенской Церкви, смогут раскрыть каждый свой талант: религиозный (европейцы-католики), политический (русский), социально-подвижнический или пророческий, учительский (евреи). Еврейскому народу, в противоположность народам севера, предписывается деятельный характер, требующий не столько теоретизирования, сколько строгого исполнения религиозных догм. Таким образом, евреи призваны вдохнуть жизнь в историческое христианство. Взгляд Соловьева на иудейскую религию выражен им год спустя в брошюре «Новозаветный Израиль» [Соловьев В.С., 1914b], посвященной истории кишеневского еврея по имени Иосиф Рабинович, который признал Христа Мессией и основал соответствующую общину. Для Соловьева важным оказывается следующее обстоятельство: это открытие И. Рабинович сделал, обратившись не к христианской литературе, но к иудейской, не через знакомство с христианским миром, но благодаря погружению в собственную религиозную традицию. Таким образом, Соловьев, в противоположность славянофилам И.С. Аксакову [Аксаков И.С., 1911] и

П.Е. Астафьеву [Астафьев П.Е., 1891], не делал существенной разницы между ветхозаветным и новозаветным иудаизмом, считая, что современные иудеи (те из них, кто серьезно относятся к вере) потенциально являются христианами, а не приспешниками антихриста. В том, что евреи до сих пор не спешат массово принимать крещение, Соловьев винит не их самих, но христиан, являющих собой дурной пример исполнения заповедей Спасителя. Однако, по мнению философа, это обращение уже близится, признаком чего является указанный случай с И. Рабиновичем.

Пожалуй, самое раннее произведение Розанова, написанное на тему историософии еврейского народа, — это брошюра «Место христианства в истории» (1890 г.) [Розанов В.В., 2008], созданная, очевидно, под влиянием Соловьева, его чаяний о христианской теократии, должной соединить в себе созерцательные «арийские» и деятельные «семитские» народы. Собственно само христианство уже есть результат встречи двух миров, древнегреческого и ветхозаветного; далее оно нуждается лишь в должном утверждении. Своеобразие мысли Розанова проявлено здесь рано. Особо интересна здесь только терминология. Если Соловьев сопоставляет еврейский народ и народы, принявшие христианство, то Розанов берет более широкие и этнически окрашенные понятия: «Два великих племени почти исключительно занимают поприще всемирной истории — арийское и семитическое» [Розанов В.В., 2008, с. 10]. Розанов по определению — это видно и далее по тексту всего произведения — признает наличие неизменного народного характера, его влияния на культуру, философию, религию. Оно не является абсолютно детерминирующим, поскольку сам Розанов делает оговорку, что сфера метафизики остается за пределами его рассмотрения — данное утверждение можно смело отнести не только к данному произведению, но и ко всей философии Розанова в целом. Соответственно, его интересует и будет интересовать не вопрос об истинности христианской теологии, но христианство как культурный феномен, который, как и все объективное, всегда чем-то обусловлен. Этим условием, которое позволило Бого-человеку родиться в определенном месте и в определенное время, является народная психо-

логия. Было необходимо пересечение семитского и арийского миров — носителей субъективного и объективного начала соответственно. Одни ориентированы исключительно к Творцу, другие — исключительно к творению, к природе. В дальнейшем Розанов, едва не дойдя до отождествления Бога с природой, припишет любовь к природе семитам, тогда как арийцев обвинит в ненависти к жизни [Розанов В.В., 2000, с. 92]. При этом само противопоставление двух данных групп останется в его творчестве неизменным.

Однако девять лет спустя в трактате «Юдаизм» (1899 г.) [Розанов В.В., 2009] Розанов выскажет иные, уже свои оригинальные мысли о судьбе еврейского народа и соотношении иудаизма с христианством. Сказанное в «Юдаизме» будет дополнено и доведено до логического завершения в последних произведениях Розанова — «Возрождающийся Египет» (сборник статей, в который вошли работы, написанные с 1900 г.) [Розанов В.В., 2002b] и «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.) [Розанов В.В., 2000]. Первое обращено к золотому веку человечества, оставшемуся в прошлом; второе, как и следует из названия, пытается заглянуть в будущее. Прежде чем обратиться к данным работам, рассмотрим один из эпизодов в цикле заметок о путешествии по Волге «Русский Нил» (1907 г.) [Розанов В.В., 1994b], который недвусмысленно демонстрирует основной нерв филосоfovания Розанова в целом.

На пароходе, идущем по Волге, Розанову посчастливилось беседовать с сыном того самого Иосифа Рабиновича из заметки Соловьева о Новозаветном Израиле. Встреча Розанова произошла спустя двадцать лет после того, как Соловьев торжественно предрек постепенное вхождение в тело Вселенской Церкви всего еврейского народа. Двадцать лет спустя выясняется, что И. Рабинович принял христианство «в его общей форме, не церковной» [Розанов В.В., 1994b, с. 386]; его сын представился Розанову в качестве лютеранина. Однако Розанова интересует и настораживает нечто другое, нежели вопросы вероучения и участия в таинствах Церкви: он задает вопросы о семейной жизни потомков И. Рабиновича и сокрушается, узнав, что среди них есть как закоренелый холостяк, и так и старая дева. Подобное

явление, привычное для христианского мира, идет вразрез с традициями еврейского народа. Розанов, выражая теплое отношение и к еврейскому, и к русскому народам, видит положительные перспективы в их диалоге. По мнению Розанова, главный недостаток церковной жизни — невнимание к ценностям семейной жизни, в отдельных случаях доходящее до прямо отрицательного взгляда на деторождение; в то время как «религия Ветхого Завета» видит в браке и детях высшую ценность. Русские могли бы научиться у евреев их семейственности, но на деле выходит наоборот — евреи заражаются от русских противоестественной заповедью «не плодитесь» [Розанов В.В., 1994b, с. 391]. Розанов противопоставляет иудаизм и христианство исключительно в антропологическом, а не теологическом ключе. Претензия ко второму и симпатия к первому обусловлены не степенью истинности учения о сущности Бога, но взглядом на природу человека — на особенностях этого взгляда мы остановим свое внимание чуть ниже. В рамках данной работы мысли Розанова описываются вполне умеренно, ратуя за равноправный культурный диалог, однако в иное время Розанов доходил до отвержения самого христианства, признания несостоятельности христианских культур и цивилизации у самого их основания.

Основные положения и этапы философии семьи В.В. Розанова

На рубеже XIX–XX вв. к антропологической проблематике, вопросам семьи и брака обратилась не только русская литература и публицистика, но и русская религиозная философия [Пешков А.А., 2019, с. 257; Согрина О.Ю., 2021, с. 78]. Вызвано это было как общественно-политическими сдвигами, так и влиянием западноевропейской философии, которая в лице Шопенгауэра, Ницше и других представителей иррационализма обратилась от метафизики и гносеологии к осмыслению человека как живого и вечностановящегося целого. Философией пола, любви и семьи занимались, начиная с уже упомянутого В. Соловьева, написавшего цикл статей «Смысл любви» (1892–1894 гг.) [Соловьев В.С., 1914с], Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и другие [Миллионщикова Т.М., с. 151]. Тем не менее, только Розанов в полной мере сделался «про-

поведником «философии пола» [Николюкин А.Н., 2001, с. 9]. Одновременно можно сказать, что Розанов относится к авторам, творческая биография которых всецело определяется биографией фактической. Во многом из желания подражать Ф.М. Достоевскому в 1880 г. 24-летний Розанов женился на бывшей возлюбленной и музе писателя — Аполлинии Сусловой. Брак оказался неудачным и через несколько лет фактически распался. Однако официальный развод получить не удалось, что обернулось проблемой, когда в 1888 г. Розанов встретил Варвару Бутягину, ставшей для него настоящим другом и матерью пятерых его «незаконнорожденных» детей. Невозможность узаконить в глазах общества и Церкви (являвшейся тогда частью государственной машины) не случайную связь, но прочную семью, в которой царит истинное целомудрие — любовь и верность, превратилась для Розанова из жизненного затруднения в основной нерв его философской и публицистической мысли. Тезис, который будет развиваться им на протяжении всего творчества: институт семьи в современной России серьезно болен, его необходимо спасать. Разговоры об этом вопросе ни в коем случае не ограничиваются сферой этики или социальной философии: для Розанова семейный вопрос является одной из важнейших (если не единственной) тем религиозных размышлений. Личная драма привела Розанова сперва к критике синодальной Церкви, а затем и христианства как такового. Не отрекшись от христианства в реальной жизни (о «церковной» кончине Розанова пишет, в частности, в своих воспоминаниях М.О. Курдюмов [Настоящая магия слова..., 2007, с. 102–103]), в литературной деятельности Розанов, особенно поздний, имел сильное тяготение к язычеству и неоднократно критиковал Христа с апостолом Павлом, что наиболее ярко было выражено им в последнем произведении «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.). Повторимся, данные настроения имеют причину не в сфере умозрительной теологии, а исключительно в антропологии — в определенных взглядах Розанова на природу человека, в которой на первое место им ставится не дух или разум, а пол [Розанов В.В., 2002b, с. 250].

О.Ю. Согрина выделяет три этапа творчества Розанова, посвященного теме семьи: ранний период, период участия в петербургских Религиозно-философских собраниях в 1901–1903 гг., поздний период [Согрина О.Ю., 2020, с. 114]. В какой-то мере данную классификацию можно соотнести с той, что некогда предложил Зеньковский в соответствующей главе «Истории русской философии» [Зеньковский В., 2001, с. 437–439]: период абсолютной верности раннего Розанова православию, период сомнения в историческом христианстве или Церкви как социальном институте, период вызова самому христианству. Следуя данной периодизации, подчеркнем ее условность, поскольку одной из черт философствования Розанова была его «многоликость», противоречивость самому себе, проявляющаяся порою даже в рамках одного произведения [Николюкин А.Н., 2001, с. 11].

А.С. Никологорский обращает внимание на сочетание двух следующих обстоятельств: Розанов в какой-то момент завел привычку не писал полностью слово «Бог» [Никологорский А.С., 2012, с. 42] и он же никогда не писал полностью имя своей второй жены Варвары [Никологорский А.С., 2012, с. 44]. Первое вызвано, вероятно, влиянием на позднего Розанова иудейской религиозной традиции, а второе является выражением такого благоговейного отношения к супружеской любви, которое возносит ее в сферу не просто нравственного, но сакрального, поскольку она — источник жизни. Главным трудом, из которого можно узнать основные идеи Розанова о семье, назовем относительно раннюю статью «Семья как религия» (1898 г.) [Розанов В.В., 1995], являющей собой пример того, как литературная критика поднимается на уровень философии. Рассуждая о двух произведениях Л.Н. Толстого — «Крейцеровой сонате» и «Войне и мире», — Розанов отвергает два противоположных определения половой любви: как исключительно материалистическое, биологическое, плотское, так и платоническое, видящее в ней только гиперболизированные единомыслие и дружбу. Переживания Лизы, с которыми ей пришлось столкнуться в самом начале своего несчастного замужества, Розанов, в противовес Позднышеву, объясняет не капризом истеричной особы, но интуитивной

религиозностью, которая оказалась возмущена тем, что супруг внес в святая в святых — семейный очаг — не почтительную серьезность, но легкомыслие и животный разврат. С другой стороны, обращая внимание на безусловно счастливый союз Марьи Болконской с Николаем Ростовым, Розанов подчеркивает их несхожесть, степень превосходства Марьи в интеллектуальном плане над мужем — стало быть, в основе их брака лежит не только духовное, но и физическое влечение. Природа, о которой пишет Розанов, имеет отношение не к отчужденной от духа сугубо эмпирической материи. Для философа дух и материя тесно переплетены друг с другом, что он подкрепляет следующим аргументом: за психологическим отчуждением супругом неизменно следует телесное отвращение [Розанов В.В., 1995, с. 76]. Семью Розанов называет «теизацией» пола, т. е. освящением его любовью, [Розанов В.В., 1995, с. 79], разврат определяет как жизнь пола без любви [Розанов В.В., 1995, с. 76].

На данном этапе трудно что-либо возразить, однако затруднения начинаются при вдумчивом рассмотрении антропологических категорий, используемых Розановым, — прежде всего категории пола. Не давая полу точного определения, Розанов, тем не менее, посвящает его описанию статью «Из загадок человеческой природы» (1898 г.) [Розанов В.В., 1995, с. 76]. В статье пол практически отождествляется с неким разлитым в природе жизненным началом: пол является границей между живым и неживым, все живое наделено полом. Более того, в половом начале следует искать источник всех процессов, происходящих с живым организмом: сон, болезнь, старение вызваны затуханием пола; соответственно, бодрствование, здоровье, молодость обусловлены приливом половой энергии. Сказанное справедливо не только в отношении царства растений и животных, но и в отношении человека — пол объявляется источником личности, по его образцу конструируется не только тело, но и душа. Каждая черта характера, считает Розанов, связана именно с особенностью пульсации пола: лица делятся на мужские и женские, детские и старческие, невинные и развратные, а не на философические или математические [Розанов В.В., 1995, с. 23].

Сам источник нравственности также находится в поле, а порок есть не что иное, как пренебрежение к полу (что может выразиться равно как в ханжеском аскетизме, так и в беспорядочных половых связях). Новизна и заслуга Розанова как философа состоит в том, что он одним из первых придавал столь серьезное отношение к категории пола, открыв пространство для новых антропологических изысканий. Однако, на наш взгляд, недостаток здесь состоит в пренебрежении иных аспектов человеческой природы: прежде всего разумного и творческого, которые, если и рассматриваются Розановым, то исключительно сквозь призму пола, а не в качестве самостоятельных начал. Пол как способность рождать является тем, что связывает человека как с его родом, так и с природой в целом. Однако тому, что делает человеческую личность отличной как от других человеческих «я», так и от царства животных, Розанов уделяет весьма мало внимания. Розанов, по справедливому замечанию Мережковского [Мережковский Д.С., 1995, с. 415], переворачивает иерархию: вместо того, чтобы быть частью личности, пол становится его истоком. Таким образом, личность ставится в полную зависимость от некоей разлитой в космосе сакральной субстанции. На наш взгляд, именно отсюда происходит дальнейшее увлечение Розанова язычеством, которое в богословском отношении есть поклонение обожествленной природе, имманентному божественному началу вместо личностного трансцендентного Бога.

Итогом участия Розанова в религиозно-философских собраниях становится собрание статей «Семейный вопрос в России» [Розанов В.В., 2004] — произведение не только религиозно-философское, но и публицистическое. Теоретические положения, изложенные им ранее, получают здесь развернутое изложение, подкрепленное практическими примерами. Сам Розанов называет свое видение семьи истинно христианским, однако он открыто конфликтует с позицией православной Церкви. Главный пункт данного расхождения — отношение к официальному заключению брака. Видя источник супружеского союза во взаимной любви, Розанов отрицает метафизическое значение таинства венчания, считая его всего лишь формальностью, которая сама по себе не

способствует созданию семьи или нравственному совершенствованию супругов, но в условиях, когда ей предается первостепенное значение, наоборот, становится источником несчастья. Речь идет о разводе, который, по мнению Розанова, не разрушает семью, а только констатирует факт ее уже состоявшейся смерти. Розанов не отстаивает то положение, согласно которому вступать в брачный союз можно только один раз и на всю жизнь. Разворотом он считает не повторный брак и не внебрачную связь саму по себе, но — в том числе — искусственное поддержание брака, из которого ушла духовная и телесная близость. Определение семьи как юридического союза, невозможность (по крайней мере, крайняя затруднительность) разводов приводят к процветанию губительных для души и тела явлений: лицемерию, семейному насилию, проституции (становящейся, по мнению Розанова, неизбежной после запрета ранних подростковых браков) и другим. Повторимся, на данном этапе Розанов не считает, что его взгляды противоречат истинному христианству.

Однако уже здесь можно отметить другую особенность философствования Розанова: излишняя идеализация определенных сторон действительности (будь то сфера человеческой жизни или целое историко-культурное сообщество), которая основана не на фактах из этой самой действительности, но на субъективных предпочтениях самого Розанова. Отметив реально существующий кризис института семьи в России, вступившись за несчастных жен, совращенных девушек и внебрачных детей, Розанов не ограничился этим, но отчего-то посчитал, что указанные им проблемы существуют исключительно в пределах христианской цивилизации. Обращаясь к теме китайской, мусульманской или еврейской семьи, Розанов описывает исключительно положительные стороны — особенно это касается еврейской семьи. В данном случае парадокс заключается в том, что супружество по любви (а ведь отстаивание именно этого права является главным пунктом полемики Розанова) становится массово возможно лишь в тех сообществах, где личность обретает некоторую автономность, а это прежде всего индустриальное общество Нового Времени, т.е. то самое, которое Розановым критикуется более всего. В

условиях всецелой зависимости от своего семейного клана, как оно было в обществе Древнего Мира (в том числе и в Израиле), брак не может быть вопросом личного дела, чаще всего становясь результатом договора, преследующего социально-экономические, а то и политические цели. Тем не менее, изобретение такого брака Розанов отчего-то приписывает римлянам [Розанов В.В., 2004, с. 434]; возможно, причину следует искать в народном характере. Именно римляне (или, шире, арийцы как народ с холодным темпераментом, в отличие от семитов), по его мнению, являются виновниками искажения христианства.

В качестве одной из причин подобной путаницы в построениях Розанова можно указать слабость разработки самого понятия любви в философствовании Розанова (как это ни парадоксально звучит по отношению именно к Розанову, посвятившему любви столько строк), которая исходит из обозначенной нами слабости понятия личности. В результате уже в конце «Семейного вопроса России», восхваляя ветхозаветный брак, Розанов в качестве одного из его главных достоинств укажет то, что в глазах своих соплеменников еврейские девушки выходят замуж не за конкретного мужчину, а за сам Израильский народ [Розанов В.В., 2004, с. 783–784]. Таким образом объясняется якобы имеющиеся у евреек свобода выбора мужа и право на повторный брак в любой момент — ведь неважно, за кого и сколько раз выходит женщина: если она верна своему народу, то в метафизическом смысле она все еще остается моногамной. Однако данный пример свидетельствует о том, как мысль Розанова, начав с утверждения индивидуальной любви в высшем ее смысле абсолютного единства души и тела конкретных мужчины и женщины, удивительным образом пришла практически к ее опровержению. Больше нет личной любви, поскольку нет самой личности, есть только род (племя, нация) и разлитый внутри нее космический эрос.

Отмеченный О.Ю. Согриной временный спад творчества Розанова после 1905–1907 гг. может быть объяснен как тем, что главные его мысли по данному кругу вопросов к тому моменту уже были выражены достаточно развернуто, так и тем, что часть поднимаемых Розановым проблем утратила свою злободнев-

ность. В разработке находился Проект Гражданского Уложения, упрощающего процедуру развода [Согрина О.Ю., 2020, с. 116]; отметку о незаконнорожденности детей перестали ставить в паспорта еще в 1902 г. [Никологорский А.С., 2012, с. 51]. Однако именно в самом конце жизни и творчества Розанова им были написаны две интересующие нас работы — «Возрождающийся Египет» (первая статья, вошедшая в данный сборник, была написана еще в 1900 г., однако сама идея написания книги о Египте, в которую бы вошли уже опубликованные материалы по данной теме, была выражена Розановым не ранее 1916 г.) и «Апокалипсис нашего времени», которые содержат в себе вызов уже самому Христу. Свой антропологический и нравственный идеал Розанов находит в язычестве, поскольку оно, в противоположность христианству, освящает сферу пола как в человеке, так и в Боге, поклоняясь ему не как Духу, но как Отцу и осеменителю. На данный период выпадает юдофильство Розанова, поскольку евреи видятся ему осколком того древнего семитского рая, к которому возможно вернуться, если взять на вооружение многовековой опыт еврейского домостроительства. По выражению З.Н. Гиппиус, «евреи, в религии которых для Розанова так ощутительна была связь Бога с полом, не могли не влечь его к себе» [Настоящая магия слова..., 2007, с. 26].

Мистико-религиозный идеал семьи

Оригинальные мысли Розанова о еврействе сконцентрированно выражены им в более ранней работе «Юдаизм» (1899 г.). Начинается она с изложения следующей истории. В 1845 г. во Франкфурте-на-Майне был устроен конгресс реформистских иудеев, последователей философа-просветителя М. Мендельсона. Были поставлены под сомнения такие столпы иудаизма, как вера в пришествие Мессии и восстановление Храма. Все было заслушано и обсуждалось в полном спокойствии. Только одно вызвало вспышку религиозного фанатизма — предложение отменить обрезание. Следовательно, пишет Розанов, именно в обряде обрезания следует искать «тайну юдаизма»: с обрезания Авраама начался Израиль, с отменой обрезания Израиль закончится — как показали итоги упомянутого конгресса, другие

постановления в принципе можно нарушить и остаться при этом иудеем. Розанов был глубоко поражен, насколько такая очевидная вещь ускользает из поля зрения гебраистов. Уже на данном примере можно говорить о разнице взглядов на соотношение иудаизма и христианства. Повторимся, если по Соловьеву христианство является логическим завершением иудаизма, то по Розанову это диаметрально противоположных «теизма», о чем он и пишет прямым текстом. «“Крест на шее” — вот наш теизм; иудейский своеобразный “крест” самым положением своим указывает центр теизма их, как противоположного нашему!» [Розанов В.В., 2009, с. 14]. Христианство начинается с крещения, следовательно, его теизм устремлен к бесплотному (следовательно — нежизнеспособному) Духу; иудаизм начинается с операции на половых органах, значит, теизм иудейский обращен полу, понимаемого как сам источник жизни. Отсюда же разница в антропологии: христианская устремлена к смерти, иудейская — к рождению. Христианская система ценностей, по мнению Розанова, prepares человека к безбрачию и нищете, что воспринимается им в качестве естественного образа жизни, тогда как в качестве ценностей иудаизма он выделяет деторождение, брак, семью и земное благополучие. Развивая данную мысль, Розанов приходит к впечатляющему выводу: иудаизм суть то же, что религии древнего Переднего Востока, ибо семиты, обладая схожим темпераментом, выбрали себе один и тот же объект поклонения. В центре этой веры — не христианский Бог-Дух или Логос, а двуполое божество плодородия Элогим, известное всем народам во все времена под разными именами. «В Вильне, Варшаве, Вене не умер “древний Бел”, ни около него “Ашера”, а только они живут под другими именами. Тот же человек, но уже переменил паспорт» [Розанов В.В., 2009, с. 78]. Корень иудейской субботы Розанов усматривает в древнеавилонской храмовой проституции, ведь, по его мнению, наиболее важным в этот день для иудея является не отдохновение от дел, а супружеская близость, которая якобы разрешительна только в субботу и которая означает соединение супругов не только между собой, но и соединение каждого из них с божественным источником жизни (поскольку

совершается с той же серьезностью, что и богослужение). Ввиду выделения пола в качестве наиболее значимой антропологической характеристики половая жизнь объявляется едва ли не единственной формой богообщения, а семья — первичной формой религии.

Возвращаясь к проблеме браков и разводов, Розанов вновь противопоставляет брак европейский (христианский) и еврейский: если первое зиждется на юридической формальности и им же и ограничено — запрещены любые внебрачные связи, независимо от качества отношений между супругами или любовниками, то иудейский брак сводится к субботе. Соответственно, разрешены разводы и повторные браки, разрешены (и даже желательны) ранние браки, главное — осуществление супружества как мистерии, а не забавы или необходимости [Розанов В.В., 2009, с. 21–22]. Стоит отметить, что на примере «Иудаизма» отчетливо прослеживается обозначенная выше тенденция Розанова увлекаться собственными представлениями, которые либо не подкрепляются фактами, либо могут идти с ними вразрез. Так, желая подкрепить свою мысль относительно истинного смысла иудейской субботы, Розанов приводит многочисленные свидетельства из Ветхого Завета, обращается к духовной, автобиографической или художественной литературе, даже вступает в диалог со своим знакомым иудеем. Однако все приводимые им примеры свидетельствуют только о самой религиозной значимости субботы. Нигде не содержится указаний на связь ее с супружескими отношениями или тем более на почитание месопотамских богов — отчасти намек на первое Розанову удастся получить только в личной беседе с иудеем и в книге А. Шмакова «Еврейские речи» [Шмаков А.С., 1897], которую сам Розанов оценивает как антисемитскую. Отсутствие доказательной базы Розанов объясняет тем, что евреи без лишних объяснений прекрасно знают, чем надлежит заниматься в субботнюю ночь [Шмаков А.С., 1897, с. 20]. Розанов же, не будучи евреем, пришел к этому открытию исключительно путем размышлений над смыслом обрезания.

В следующем интересующем нас произведении, «Возрождающийся Египет», Розанов называет язычество истинной и естественной религией всего человечества, проповедующей

поклонение Жизни Жизней [Розанов В.В., 2002b, с. 297], христианство же представлено в качестве вредной аномалии [Розанов В.В., 2002b, с. 186]. В другом произведении, «Люди третьего пола» (1911 г.) [Розанов В.В., 1994a], его возникновение связывается с особым антропологическим типажом — «третьим полом», представители которого лишены инстинкта семьи, а потому нуждаются либо в лечении, либо в надлежащем применении своей освобожденной от житейских забот энергии, но в любом случае они не должны становиться рупорами общественного мнения [Сухорукова Е.И., 2025, с. 125]. Вероятно, с точки зрения Розанова, крещение народов севера было обусловлено именно их бесстрастным народным характером, который был более приспособлен к мироощущению «третьего пола», чем народы юга. Напротив, у семитских народов, проживавших на Переднем Востоке, особенно в Древнем Египте, осознание святости пола как источника всякого блага (жизни, счастья, удовольствия) достигло высшего уровня, способствовало рождению высокой культуры и искусства, однако по существу это та же вера, что и у варварских народов дохристианской Европы. Здесь мысль Розанова вступает в возможное противоречие не только с исторической реальностью, но и с самой собой. Возникает закономерный вопрос: в чем тогда смысл религиозной борьбы древних евреев с окружающими народами, мотив которой проходит через все Священное Писание и которую Розанов не просто не отрицает, но приводит как доказательство супружеского характера взаимоотношений народа Израиля со своим Богом? По Розанову, соединение между Богом и человеком проходит точно так же, как соединение супругов — через Эрос и пол, а не Логос и отвлеченный дух [Иванова Т.А., 2021, с. 55–62]. Открывшись народу под тем или иным именем, Бог вступает с ним в супружеский союз — обрезание является ничем иным, как заключением данного союза, поэтому с его отменой кончается иудаизм. Розанов обращает внимание, что ревность Иеговы направлена не против самих языческих культов, но против того, чтобы евреи вступали в брак с их адептами: в соответствии с мыслью Розанова, создание смешанной семьи означает супружескую измену народа Израиля своему небесному мужу.

Следовательно, гнев пророков призван защищать не чистоту вероучения, а чистоту крови, которая на метафизическом уровне означает целомудренность божественного брака [Розанов В.В., 2002b, с. 57]. Данное объяснение вызывает сразу два вопроса. Первый: каким образом возможна измена Иегове с «Ваалом и Астартой», если они все лишь разные имена единого Элогима? Второй: почему данный запрет, доведенный до абсолютного табу, обращен только к еврейскому народу? На второй вопрос Розанов пытается ответить как в «Русском Ниле», так и в «Апокалипсисе нашего времени», рассуждая об исключительной гениальности еврейского народа, которая разветвляется в случае их смешения с иными племенами. Евреи призваны жить в рассеянии, осеменяя другие народы духовно, но не на уровне крови и плоти [Розанов В.В., 2000, с. 133]. Также Розанов в заметках «Ангел “Иеговы” у евреев» [Розанов В.В., 2002a] и «В соседстве Содомы» [Розанов В.В., 2002c] приписывает евреям особую влюбчивость в окружающие их народы, рассматривая всю историю еврейского народа сквозь призму семейной психологии, наделяя еврейскую народность (как и русскую) женской половой принадлежностью. Впрочем, в одном из мест «Апокалипсиса» Розанов отказывается от дальнейших рассуждений на данный счет, сославшись на то, что заповедь чистоты крови, по мнению Розанова, — это единственная отличительная черта иудаизма: есть тайна, о которой знает только Бог и перед которой человек должен смириться [Розанов В.В., 2000, с. 134].

В «Апокалипсисе нашего времени» те же идеи раскрываются в обращении не к прошлому человечества, а к его настоящему и будущему. Еврейскую (как, вероятно, и любую иную) народность Розанов описывает в качестве разросшейся семьи кровных родственников, а иудейскую религию — в качестве религии поклонения собственному плодородию [Розанов В.В., 2000, с. 115–118]. Следовательно, поскольку в поле заключено начало человеческой личности, в том числе религиозность, иудаизм, а не христианство, является истинной верой. Естественный образ жизни человека — тот, что описан в Ветхом Завете, т.е. это жизнь простого труженика, земледельца или торговца, который заботится о своей семье, любит

природу, почитает Бога и не претендует на большее [Розанов В.В., 2000, с. 57, 135, 187]. Остается не вполне ясным, как такое домохозяйство (лежащее, между прочим, в основе экономики, являющееся в данной картине едва не единственным источником пропитания) может быть устойчивым, если супруги сохраняют за собой право развестись в любой момент, как только охладели друг к другу. Здесь вновь наблюдается идеализация древности, которой Розанов приписывает реализацию своих представлений о счастливой семье, которые, в свою очередь, основаны не то на возвышенном идеале, предполагающем деятельное участие двух нравственных личностей, не то на ближневосточном чувственном эросе. Тем не менее, считает Розанов, так жил весь Древний Восток, ныне подобный образ жизни стараются сохранить только евреи. Там, где человек отворачивается от самого себя (для Розанова это прежде всего отрицание в себе полового начала), от природы и от Бога — там начинается гордыня и злоба, там творится история, вместо семей создаются монструозные государства-империи, происходят войны, не ценится праведный труд. Христианская цивилизация оказывается обречена с самого своего основания, поэтому ее гибель (напомним, произведение было написано в период конца Первой мировой войны и революции в России) была неизбежна [Розанов В.В., 2000, с. 314].

Далее Розанов переворачивает славянофильский тезис об исконно христианском характере русской цивилизации. Если славянофилы, а затем и почвенники считали западноевропейскую цивилизацию христианской во многом лишь по форме, а по содержанию стоящей на основе языческой римской культуре, то Розанов, напротив, считал Европу не просто христианской, но родительницей исторического христианства, полностью им переработанной. Славянофилы обращали внимание, что крещение Руси одновременно является моментом ее рождения как единого целого; Розанов же замечает, что Русь приняла христианство в уже готовой его форме, богословские диспуты, в том числе те, которые навсегда жестко отделили христианство от иудаизма, прошли давно и далеко за ее пределами. Розанов полагает, что Русь была крещена лишь внешне, а в действительной религиозной жизни большее зна-

чение играл полуязыческий (по мнению Розанова) культ местных святых [Розанов В.В., 2000, с. 189]. Соответственно, в отличие от рационалистичной и холодной Европы, Россия способна сбросить с себя оковы христианства и сделаться полем восстания против Христа [Розанов В.В., 2000, с. 310]. В этот период великого исторического слома человечество, если оно хочет вернуть себе золотой век, должно ориентироваться на опыт религиозной и семейной жизни евреев — вероятно, в этом и заключается миссия этого семитского народа, призванного вдохновить своим примером холодных славян, заразившихся от романо-германцев. Золотым грядущий век является, поскольку в нем половое начало получает раскрытие в полной мере: устраняются практически любые препятствия к браку (дозволяются ранние, повторные и даже групповые браки), все дети объявляются законными, жизнь человека вращается вокруг однообразного труда, который часто сменяется периодами веселья и чувственных удовольствий. Однако, на наш взгляд, поскольку творческие и познавательные способности человека в обществе подобного типа не получают раскрытия в должной мере (как не уделено им должного внимания в антропологии Розанова), то в результате возникает не только риск скуки и деградации личности, но и угроза существования самого общества, оставленного наедине (без науки, медицины и технологий) со всеми исходящими от природы опасности — как оно и было в эпоху Древнего Мира.

Заключение

В том аспекте философствования Розанова, где центральным понятием становится пол, из него выводится как народность, так и религиозность человека, что мы проследили, обратившись к тем трудам зрелого периода, которые посвящены еврейскому народу. Не беря во внимание славянофильское представление о народности как о метафизическом духе, Розанов понимает еврейский народ в качестве разросшейся семьи, скрепленной кровью, семенем и духом — Розанов решительно протестует против дуализма материи и духа, обвиняя в нем то европейскую цивилизацию, то христианство в целом. Природа, восхваляемая Розановым — не эмпирическая материя, а перво-

зданное единство, потенция и актуализация высшей ценности — жизни. Соответственно, главное предназначение человека заключено в создании семьи, причем юридическое заключение брака считается необязательным, как и пожизненная моногамия. Семью создает наличие между супругами любви, соединяющей в себе нравственный и чувственный аспекты, и желание совместного деторождения.

В антропологии, ставящей на первое место пол, а также в теологии, определяющей Бога исключительно как источник биологической жизни, половая жизнь, осуществляемая с серьезностью и приводящая к деторождению, становится едва ли не единственным способом богообщения, а прочная семья — условием его реализации. Однако пренебрежение другими антропологическими характеристиками, такими как разум, дух или творческая способность, приводят к деградации понятия личности, которая полностью поглощается родовым началом. Таким образом, человек ничем не выделяется от других представителей животного мира. Начав с утверждения индивидуальной любви, Розанов в итоге приходит к провозглашению внеличного космического эроса, в равной степени разлитого внутри народа. Как следствие, Розанов отворачивается от христианства (религии Слова и Духа) в сторону иных религиозных систем. Иудаизм определяется Розановым как религия поклонения своему плодородию, центральная заповедь которого — вовсе не монотеизм, а обрезание, которое подразумевает заключение союза с истинным Богом — двуполым Элогимом, и соблюдение субботы, подразумевающей супружескую близость, серьезно-почтительное отношение к которой превращает ее в иерогамию. По мнению Розанова, довольно оригинального по тем временам, иудаизм есть лишь одна из разновидностей язычества — единой, всеобщей и истинной религии человечества, освящающей в человеке его пол; в то время как христианство — аномалия, отрицающая пол, разъединяющая дух и материю, убивающую, таким образом, источник жизни. Современная цивилизация (европейская и русская) была обречена с самого начала, поскольку основана на христианстве, искаженная антропология которого, по мнению Розанова, привела к искаженным социальным институтам, милитаристским

империям и мировой войне. Оздоровление возможно, если взять на вооружение тот образ жизни, что всегда был естественен для человека. Он описан в Ветхом Завете и по сути своей означает отмену исторического прогресса: жизнь в деревнях, а не городах, занятие домашним хозяйством и земледелием, участие в языческих мистериях, вращающихся вокруг освящения пола и брака. Однако, по мнению автора статьи, в результате изъяна в исходной антропологической посылке — пренебрежения к человеческому разуму, духу, индивидуальности — страдает как сам человек, так и институт семьи, отношения внутри которой становятся неспособны выйти на более высокий одухотворенный уровень. В результате перед самим обществом встает вопрос выживания, поскольку оно, оставшись без плодов деятельности разума и духа — науки и технологии, вновь попадает в полную зависимость от природных стихий, и представление о существовавшем в древности золотом веке оказывается несостоятельным. В завершение отметим, что данное изложение представляет лишь одну из вариаций философии позднего Розанова, который как мыслитель был весьма непостоянен и даже противоречив.

Список литературы

- Аксаков И.С.* О еврейском вопросе. Изд. и предисл. Е. де-Витте. Почаев: тип. Почаево-Успен. лавры, 1911. 57 с.
- Астафьев П.Е.* Из итогов века: С прил. писем «Еврейство и Россия». Москва: изд. М.И. Астафьевой, 1891. 117 с.
- Зеньковский В.* История русской философии. М.: Академический Проект; Раритет, 2001. 880 с.
- Иванова Т.А.* Проблема андрогинного идеала человека в философии пола В.В. Розанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>
- Казакова Н.Ю.* «Розанов не был двуличен, он был двулик...»: Василий Розанов – публицист и полемист. М.: РГГУ, 2021. 238 с.
- Козырев А.П.* В.В. Розанов и В. Соловьев: диалог в поисках другого // Соловьевские исследования. 2004. № 2(9). С. 21–49.
- Малахов В.А.* Региональная локализация еврейских погромов 1881–1882 гг. в Российской империи // Вестник БГУ. 2012. № 2(1). С. 55–59.

Мережковский Д.С. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. I. / сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 408–418.

«Настоящая магия слова»: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья / сост., предисловие, коммент. А.Н. Николукина. СПб.: Росток, 2007. 216 с.

Миллионщикова Т.М. «Мысль семейная» в творчестве русских писателей рубежа XIX–XX вв. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение. 2018. № 4. С. 148–154.

Никологорский А.С. Проблема борьбы за права семьи в творчестве Василия Розанова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 4. С. 41–52.

Николукин А.Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. 511с.

Отюцкий Г.П. Полемика В.В. Розанова с М.О. Гершензоном по «Еврейскому вопросу» // Система ценностей современного общества. 2013. № 27. С. 89–94.

Пешков А.А., Гуторов Ю.А. Вопросы семьи и брака в отечественной религиозно-философской мысли (конца XIX начала XX века) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2019. № 17. С. 253–268.

Розанов В.В. Ангел «Иеговы» у евреев (Истоки Израйля) // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2002. С. 465–475.

Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // В.В. Розанов. Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2000. 429 с.

Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного // В.В. Розанов. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995. С. 7–82.

Розанов В.В. Возрождающийся Египет // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2002. С. 7–325.

Розанов В.В. В соседстве Содомы (Истоки Израйля) // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2002. С. 457–465.

Розанов В.В. Место христианства в истории // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. / под общ. ред. А.Н. Николукина; сост. А.Н. Николукина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; коммент. О.В. Быстровой. М.: Республика; Росток, 2008. С. 9–27.

Розанов В.В. Люди третьего пола // Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиоз-

ных лучах / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1994. С. 264 – 404.

Розанов В.В. Русский Нил // В.В. Розанов. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., ком. и ред. В.Г. Сукача. М.; Танаис, 1994. С. 329–409.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2004. 829 с.

Розанов В.В. Юдаизм // В.В. Розанов. Собрание сочинений. Юдаизм / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 5–107.

Согрина О.Ю. Образ христианской семьи в дискуссиях 1902–1903 гг. (на материалах записок петербургских религиозно-философских собраний) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 1. С. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh210111>

Согрина О.Ю. Семейный вопрос в творчестве В.В. Розанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 3. С. 114–117. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200317>

Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 4. СПб: Просвещение, 1914. С. 142–189.

Соловьев В.С. Новозаветный Израиль // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 4. СПб: Просвещение, 1914. С. 207–222.

Соловьев В.С. Смысл любви // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 7. СПб: Просвещение, 1914. С. 3–63.

Соловьев В.С. Три разговора // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. С 3-мя портретами и автографом / под ред. и с прим. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Второе издание. Том 10. СПб: Просвещение, 1914. С. 81–222.

Сухорукова Е.И. Эсхатология В.В. Розанова и метафизика пола // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 1(53). С. 120–132. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-153-120-132>

Шмаков А.С. «Еврейские» речи. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. 580 с.

References

- Aksakov, I.S. (1911). *O evreyskom voprose* [On the Jewish question]. Pochaiv: The Pochaevo-Uspenskaya Lavra Publ., 57 p.
- Astaŭev, P.E. (1891). *Iz itogov veka : (S pril. pisem "Evreystvo i Rossiya")* [From the results of the century: (with letters "Jewry and Russia")]. Moscow: M.I. Astaŭeva Publ., 117 p.
- Ivanova, T.A. (2021). [The problem of androgynous ideal of a human being in V.V. Rozanov's philosophy of sex]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1, pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>
- Kazakova, N.Yu. (2021). «*Rozanov ne byl dvulichen, on byl dvulik...*»: *Vasiliy Rozanov – publitsist i polemist* ["Rozanov was not hypocritical, he was two-faced...": Vasily Rozanov - publicist and polemicist]. Moscow: RSUH Publ., 238 p.
- Kozyrev, A.P. (2004). [V.V. Rozanov and V. Solovyov: a dialogue in search of another]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov Studies]. No. 2(9), pp. 21–49.
- Malakhov, V.A. (2012). [Regional localization of the anti-Jewish pogroms of 1881-1882 in the Russian Empire]. *Vestnik BGU* [BSU Bulletin]. No. 2(1), pp. 55–59.
- Merezhkovskiy, D.S. (1995.) [Rozanov]. *V.V. Rozanov: pro et contra. Kn. I*. [V.V. Rozanov: pro et contra. Book I]. St. Petersburg: RCHA Publ., pp. 408–418.
- Millionschikova, T.M. (2018). ["Family thought" in the works of Russian writers of the turn of the XIX–XX centuries (review)]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies]. No. 4, pp. 148–154.
- Nikologorskiy, A.S. (2012). [The problem of the struggle for the rights of the family in the works of Vasily Rozanov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. No. 4, pp. 41–52.
- Nikolyukin, A.N. (2001). *Rozanov* [Rozanov]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 511 p.
- Otyutskiy, G.P. (2013). [V.V. Rozanov's polemic with M.O. Gershenzon on the "Jewish Question"]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Values of Modern Society]. No. 27, pp. 89–94.
- Peshkov, A.A. and Gutorov, Yu.A. (2019). [Family and marriage issues in Russian religious and philosophical thought (late 19th – early 20th century)]. *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary]. No. 17, pp. 253–268.
- Rozanov, V.V. (2002). [A resurgent Egypt]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayushchisya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 7–325.
- Rozanov, V.V. (1995). [In a world of obscurity and unresolved]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. V mire neyasnogo i nereshennogo. Iz vostochnykh motivov, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. In a world of obscurity and unresolved. From oriental motifs]. Moscow: Respublika Publ., pp. 7–82.
- Rozanov, V.V. (2002). [In the neighborhood of Sodom (the origins of Israel)]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayushchisya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 457–465.
- Rozanov, V.V. (2009). [Judaism]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Yudaizm, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. Judaism]. Moscow: Respublika Publ., St. Petersburg: Rostok Publ., pp. 5–107.
- Rozanov, V.V. (1994). [People of the third gender]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. V temnykh religioznykh luchakh, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. In the dark religious rays]. Moscow: Respublika Publ., pp. 264–404.
- Rozanov, V.V. (2002). [The Angel of "Jehovah" among the Jews (the origins of Israel)]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Vozrozhdayushchisya Egipet, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. A resurgent Egypt]. Moscow: Respublika Publ., pp. 465–475.
- Rozanov, V.V. (2002). [The apocalypse of our time]. *Rozanov, V.V. Sobranie sochineniy, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works]. Moscow: Respublika Publ., 429 p.
- Rozanov, V.V. (2008). [The place of Christianity in history]. *Rozanov V.V. Sobranie sochineniy. Religiya i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902-1903 gg., pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. Religion and culture. Articles and essays from 1902-1903]. Moscow: Respublika Publ., Rostok Publ., pp. 9–27.
- Rozanov, V.V. (1994). [The Russian Nile].

Rozanov V.V. *Sochineniya: Inaya zemlya, inoe nebo... Polnoe sobranie putevykh ocherkov, 1899-1913 gg., pod red. V.G. Sukacha* [Sukach V.G. (ed.) Rozanov V.V. Essays: Another earth, another sky... The complete collection of travel essays, 1899-1913]. Moscow: Tanais Publ., pp. 329–409.

Rozanov, V.V. (2004). *Semeynyy vopros v Rossii, pod red. A.N. Nikolyukina* [Nikolyukin A.N. (ed.) Rozanov V.V. Collected works. The family question in Russia]. Moscow: Respublika Publ., 829 p.

Shmakov, A.S. (1897). «Evreyskie» rechi ["Jewish" speeches]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova Publ., 580 p.

Sogrina, O.Yu. (2020). [Family issue in the work of V.V. Rozanov]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities]. No. 20(3), pp. 114–117. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh200317>

Sogrina, O.Yu. (2021). [The image of the Christian family in discussions 1902–1903 gg. (based on the materials of the notes of Petersburg religious-philosophical assemblies)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities]. No. 21(1), pp. 78–81. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh210111>

Solovyov, V.S. (1914). [Judaism and the Christian question]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva*,

pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L. [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 4, pp. 142–189.

Solovyov, V.S. (1914). [New Testament Israel]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 4, pp. 207–222.

Solovyov, V.S. (1914). [Three conversations]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 10, pp. 81–222.

Solovyov, V.S. (1914). [The meaning of love]. *Sobranie sochineniy V.S. Solov'eva, pod red. Solovyova M.S., Radlova E.L.* [Solovyov M.S., Radlov E.L. (eds.) Collected works of V.S. Solovyov]. St. Petersburg: Prosveschenie Publ., vol. 7, pp. 3–63.

Sukhorukova, E.I. (2025). [Eschatology of V.V. Rozanov and the metaphysics of gender]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki»* [MCU Journal of Philosophical Sciences]. No. 1(53), pp. 120–132. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-153-120-132>

Zenkovsky, V. (2001). *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Moscow: Academicicheskiiy proekt Publ., Raritet Publ.,

Об авторе

Сухорукова Екатерина Игоревна

аспирант департамента философии и социальных наук

Московской городской педагогический университет,
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.;
e-mail: eisukhorukova@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Ekaterina I. Sukhorukova

Postgraduate Student of the
Department of Philosophy and Social Sciences

Moscow City University,
4 Vtoroy Selskhozaiystvennyy pr., Moscow,
129226, Russia;
e-mail: eisukhorukova@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017